ЭКСПЕРИМЕНТ

Смотрите, кто приплыл

Как получилось, что молодой берлинец издает в Оксфорде научный журнал и публикует в нем труды беженцев? Об этом рассказывает сам издатель **Пауль Оствальд**. Его начинание было отмечено премией имени Петера Бениша, присуждаемой форумом «Петербургский диалог».

ПРИНАДЛЕЖИТ ДИРЕКЦИИ ФОРУМА «ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДИАЛОГ»

На Форуме «Петербургского диалога» премию имени Петера Бениша Пауль Оствальд получил из рук мэтра российской журналистики Виталия Игнатенко

Осень 2015 года. Телешоу Сандры Майшбергер подходит к концу, когда она дает слово какому-то мужчине из публики. На немецком языке, с едва заметным акцентом тот рассказывает об учебе в сирийском вузе, путешествии через Средиземное море и новой работе по уходу за престарелыми в небольшом городке Нижней Саксонии. Студия взрывается аплодисментами, но перед этим люди у телеэкранов видят подпись, представляющую примерного молодого сирийца: «Хаким, беженец».

Весьма красноречивый момент в дискуссии, посвященной опасной тенденции — видеть в людях, которые летом 2015 года искали в Европе убежище, только беженцев и ничего больше. История с Хакимом показывает, что такой статус очень быстро становится ярлыком. «Довесок» к имени сигнализирует: это человек, достойный сочувствия, он приехал к нам из далекой, неведомой культуры. И часто к различным оттеночным вариациям сводится все освещение данной темы.

В то же время это был своего рода момент избавления: впервые возможность непосредственно поучаствовать в дискуссии о беженцах представилась ее «объекту». В Германии по сей день чуть ли не ежедневно появляются репортажи, комментарии, интервью с политиками, посвященные новому вызову, «задаче века» (по двухлетней давности выражению Ангелы Меркель). Тем же, кто бежал в Европу, слово предоставляется очень редко — зачастую из-за отсутствия понимания, что большинство беженцев несут с собой нечто более ценное, чем узелки с одеждой. Кто-то везет солидный багаж знаний. У себя на родине они были профессорами, исследователями или студентами, и смотреть на них только через призму сочувствия значит пренебрегать интеллектуальным багажом и ограничивать рамки диалога с ними.

> У себя на родине они были профессорами, исследователями или студентами, и нельзя смотреть на них только через призму сочувствия

Осенью 2015 года этот парадокс в отношениях с беженцами увлек меня и моих однокурсников в Оксфордском университете. Чтобы в имеющихся условиях сделать возможным новый дискурс, я вместе с Марком Баркли, моим соседом по комнате, основал Journal of Interrupted Studies («Журнал прервавшихся исследований»). Задумывался он как академическое издание, которое позволит ученым, вынужденно покинувшим родину, опубликовать завершенные и незавершенные статьи любой научной направленности.

Нам с Баркли только-только исполнилось 19, и, конечно, оба мы никак не могли проверять труды профессоров и ученых на предмет академической точности и ценности. Поэтому мы ввели многоступенчатую процедуру коллегиальной оценки, принятую при подготовке научных публикаций: эксперты получают материалы без сведений о личности автора. Мы хотели, чтобы тексты отбирались по их качеству, а не по биографиям авторов.

С одной стороны, мы ставили перед собой задачу изменить восприятие беженцев в обществе и умерить вполне понятные страхи многих граждан: возможно, узнав, что этих людей волнуют похожие темы, их будут меньше бояться, думали мы. Благодаря сюжетам на телевидении и статьям в печатных СМИ нам удалось повлиять на представления о беженцах и за пределами академических читательских кругов. Вместе с тем мы хотели послать ученым и политикам определенный сигнал: смотрите, мы рискуем упустить новые знания и подорвать многообразие дискурса, если не дадим перспектив беженцам с высшим образованием. Но главное, мы надеялись, что благодаря публикации нашим авторам представится возможность возобновить академическую карьеру или их путь к этому будет не таким тернистым.

Материалы стали поступать быстро и в большом количестве, многие были посвящены теме беженцев. Так, одна женщина-юрист из Бангладеш задалась вопросом, нельзя ли включить в международное правовое поле тех, кто вынужденно оставил родные края из-за природных бедствий. Один сирийский студент в годы гражданской войны заинтересовался, нельзя ли компенсировать нехватку учителей в школах роботами. Лингвист Хусам Алдеен аль-Барази из Дамаска изучал роль интонации в освоении языков — он бежал из Сирии в Германию и поселился в живописном городке Дюппенвайлер в земле Саар.

Такое доверие авторов накладывает большую ответственность. Мы приступили к созданию небольшой редакции и стали искать первых дипломированных специалистов для коллегиальной оценки. Подавляющее большинство из тех, с кем мы контактировали, проявили удивительную открытость и стали, в свою очередь, приглашать к сотрудничеству знакомых коллег и включать нас в свои рассылки. Единственное, чего нам не хватало,— это £1,5 тыс. на печать тиража. Но пожертвования стали поступать, и в мае 2016 года бюджет для публикации первого выпуска у нас был.

> Реакция оказалась ожидаемо двоякой… В соцсетях звучали и тирады ненависти: «Единственные знания, что несут эти люди,— это умение насиловать»

Реакция оказалась ожидаемо двоякой. Такие СМИ, как британская Би-би-си, американское NPR и немецкий журнал Der Spiegel, искренне приветствовали наш проект. Но в соцсетях звучали и тирады ненависти. «Единственные знания, что несут эти люди,— это умение насиловать»,— писали некоторые. Обе реакции свидетельствуют: проект нашел своих адресатов и не оставил их равнодушными.

Если первый номер еще печатался в режиме самиздата, то уже для следующего выпуска мы заручились финансовой поддержкой Студенческого фонда немецкого народа, издателем согласился стать уважаемый нидерландский дом Brill. Теперь наш бюджет позволил выплачивать авторам пусть весьма скромные, но гонорары.

В 2018 году изменилась не только миграционная политика Германии, но и происхождение наших авторов. Вместо сирийцев и иракцев теперь преобладают выходцы из Турции. Редакция столкнулась с новыми вызовами. Истории авторов сами по себе были очень похожи на те, которыми делились многие сирийцы с высшим образованием. Но помимо гражданской войны теперь в них фигурируют экологические катастрофы и политические преследования, а вместо плавания по волнам Средиземного моря во многих случаях речь идет о переселении в более мирные регионы родной страны.

Поэтому нам приходится не только переводить тексты, но и вырабатывать новые правила: кто должен решать, может ли автор «считаться беженцем» и, следовательно, публиковаться у нас? В итоге мы договорились оставить этот вопрос, как и прежде, на усмотрение самих авторов — тех, кого изгнали из родных мест и кому пришлось бежать.

Наконец, есть третья задача — институализация самого журнала. Мы пытаемся создать правовые и редакционные структуры, способные обеспечить выживаемость проекта даже без нас, его основателей. И здесь нами движут события уже не в студии госпожи Майшбергер, а на улицах Хемница.

ДИСКУССИЯ

Ни слова

Помочь в диалоге между журналистами России и Украины, без которого не начнется и общественное примирение, возможно, должны третьи страны. В этом главный редактор «Д» с российской стороны **Виктор Лошак** убедился, вернувшись из Киева.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОФИС ФОНДА ИМ. ФРИДРИХА ЭБЕРТА «ДИАЛОГ ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА»

Участники дискуссии в киевском отделении Фонда Эберта: Наталья Ищенко — заместитель директора Института мировой политики (Киев), Валерий Калныш — главный редактор радио «Новое время», Барбара Ортель — редактор международного отдела Tageszeitung, Виктор Лошак — главный редактор «Д» с российской стороны, Мустафа Найем — депутат Верховной рады

Должен извиниться перед редактором международного отдела Tageszeitung, популярной берлинской газеты, Барбарой Ортель: я действительно виноват в том, что тонко выстроенный ею сценарий дискуссии на тему «Репортаж в час испытаний» в украинском отделении немецкого Фонда Эберта оказался невостребованным. Разговор пошел в совершенно не запланированном модератором направлении. Ее интересовали важные аспекты журнализма, которые мы должны были обсудить с главным редактором радио «Новое время», а в прошлом руководителем газеты «Коммерсантъ-Украина» Валерием Калнышем, заместителем директора Института мировой политики Натальей Ищенко и депутатом, а в прошлом тоже журналистом Мустафой Найемом. Последний — важная фигура новой украинской политики. Его историческая известность предопределена вот этим постом в Facebook: «Встречаемся в 22.30 под монументом Независимости. Одевайтесь тепло, берите зонтики, чай, кофе, хорошее настроение и друзей. Перепост всячески приветствуется». Считается, что именно с этого призыва в ночь с 21 на 22 ноября 2013 года начался последний Майдан, так радикально изменивший жизнь Украины.

Я не предполагал, что дискуссия в небольшом, но переполненном зале Центра Пинчука уйдет на четыре часа в сторону лишь из-за одного моего риторического вопроса: могут ли и должны журналисты, российские и украинские, начать диалог друг с другом не из-за пропагандистских брустверов, а напрямую? Должны ли мы быть пристегнутыми к войне идеологий или у нас есть более важная задача — дать услышать и понять друг друга людям, желающим вернуться к нормальным отношениям между странами?

Не хотел бы претендовать на новизну темы. Здесь, в киевском представительстве Фонда Эберта, отношения России и Украины, видимо, рассматривали много и с самых разных сторон. Перед началом разговора нам подарили только-только выпущенный фондом сборник мнений и аналитики, не меньше половины которого посвящено российско-украинским отношениям. Здесь все в амплитуде от феерических выдумок о том, как Россия закачала в экономику Германии €1,3 трлн и теперь ею руководит, а наши хакеры взяли под контроль немецкие госучреждения, до взвешенных, хотя зачастую и критичных к российской политике мнений и интервью. Тот же великий прогнозист Фрэнсис Фукуяма, побывав в Киеве, не дал России шанса даже в сослагательном наклонении. «Многие восточноевропейские страны,— рассуждал Фукуяма о близкой Киеву теме расширения НАТО,— стремящиеся в альянс, сказали бы, что Россия со своей долгой историей империализма все же подошла бы к точке, когда она хотела бы доминировать над соседями… Я склонен думать, что эти страны имеют право войти в альянс».

> Всю жизнь я был уверен, что журналисты везде и всюду могут найти общий язык. И вот убедился, что это не так или не совсем так

Если исключить специалистку по мировой политике, которая сходу заявила, будто Украина всю советскую историю была колонией России, а за украинский язык расстреливали, все остальные мнения, какими бы иногда крайними они могли показаться приехавшему из Москвы, могли иметь право на жизнь. Мнения всех выступавших можно было бы разделить на три группы. Первая — это те, кто говорил: да, нужно на равных встречаться и разговаривать, «трэба почуять одын одного», молодежь уж точно не виновата в сложившемся конфликте. Вторая: не хотим ни видеть, ни слышать Россию, ни разговаривать с ней, «лучшее, что вы можете для нас сделать,— это уйти из нашей жизни» (как будто кто-то сильный и добрый может перенести Украину куда-нибудь в Швейцарию или на худой конец в Америку). Третья позиция: пока идет война, любой диалог исключен, мы можем говорить только с теми, кто признает все наши оценки того, что произошло в Крыму и на Донбассе.

Трудно было ожидать, что так активны в зале будут молодые украинские журналисты. Один оценил всю дискуссию фразой: «Вы говорите про условную Украину и условную Россию, а не про те, что есть». Как быть с тем, что на Украине существует запрос на мир, что прекращения войны желают 56% опрошенных граждан? Естественно, что более воинственные отвечали: мы не хотим мира с унижением и т. д. и т. п.

Всю жизнь я был уверен, что везде и всюду журналисты могут найти общий язык. И вот убедился, что это не так или не совсем так. Убедился, что в определенной ситуации обвиняемым может быть даже не человек, а язык: «Для нас русский язык — это форма проникновения пропаганды Российской Федерации в нашу жизнь». При этом тут же заявляют: да, дома, в семье, мы говорим на русском, но это ничего не значит. Вспомнил, что несколько лет назад ровно такое же утверждение я слышал от Юлии Тимошенко, которая вот-вот может стать президентом Украины.

Важно, чтобы не разочаровала эта дискуссия не только журналистов, но и немецкий фонд. Возможно, продолжение дискуссии можно перенести в третью страну, где никому не придется отбывать во время встречи патриотическую повинность: клясться под телекамеры, микрофоны и вспышки фотоаппаратов в верности идеям и людям. Одно ясно: нужно начинать хотя бы болезненный, но разговор.